

«Для Украины мы теперь – главные путинисты, а для России – хохлы и беженцы»

Как белгородцы пытаются выжить под ежедневными обстрелами и как относятся к тому, что страна даже не пытается их спасти

Фото: Настоящий Гладков / Telegram

03:00, 1 января 1970,

Виктория Литвин

специально для «Новой газеты Европа»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

ГЛАВНОЕ О ПРОИСХОДЯЩЕМ В РЕГИОНЕ

Пока Россия ведет полномасштабную войну против Украины, Белгородская область **подвергается** регулярным атакам. В последние две недели ситуация в приграничном регионе резко обострилась: так, на президентские «выборы», на которых Владимир Путин переизбрал себя с рекордными **фальсификациями**, местным жителям **пришлось** идти фактически под обстрелами. По оценке губернатора, с начала марта погибли более 20 человек.

Власти Белгородской области эвакуируют тысячи детей, силовики ставят новые блокпосты на въездах в населенные пункты. Путин в это время выражает местным жителям «слова благодарности и восхищения» и обещает обеспечить их безопасность, правда, не уточняя, как именно он собирается это сделать.

20 марта Минобороны РФ **заявило** о «зачистке» приграничного села Козинка, где несколько дней продолжались бои. Военный обозреватель Bild Юлиан Репке после изучения видео из телеграм-каналов **предположил**, что российская армия наносила удары по Козинке авиабомбами. Прокремлевские «военкоры» уже рассказывают, что село практически уничтожено.

«Все целы?» — самый распространенный вопрос в местных чатах после обстрелов. Это уже стало обыденностью: сирена, прилет, попытка узнать, кто пострадал и не попало ли в кого-то

из близких. Если все живы — значит, можно выдохнуть до следующей тревоги.

Иногда в чатах пишут люди из других регионов: они не слышали залпов РСЗО, не видели в небе «облачка» от работы ПВО, не ходили по разрушенному родному району. Они не понимают, как это.

Их вопросы и реплики выглядят наивными. Им кажется, что никогда такого не будет, чтобы пришлось спрашивать друзей, живы ли они. Им кажется, что разрушенные города бывают только в кино или в новостях с «новых территорий».

Но нам, белгородцам, тоже так казалось.

За последнюю неделю в Белгородской области от обстрелов погибло уже больше десяти человек.

Местное издание «Фонарь», которое ведет **список** погибших, не успевает обновлять данные. Всего за время вторжения России в Украину погибло 128 мирных белгородцев.

Сегодня, 20 марта, погиб мужчина. Вел машину, на нее упал осколок снаряда. Погиб на месте. Чуть позже — погибли еще двое. Кто-то погибнет и завтра, и послезавтра...

По городу стреляют РСЗО — реактивные системы залпового огня. Это одна из самых страшных военных машин, у нее высокая плотность огня, а при использовании запрещенных в некоторых странах кассетных снарядов обстрел становится очень опасным для мирного населения.

«Самокат» во время обстрела не работает. А вот «Деливери»

МОЖНО ЗАКАЗАТЬ

«Чувствуется напряжение, люди не выпускают смартфоны из рук, мониторят телеграм-каналы, следят за ситуацией, — рассказывает белгородец Артём. — Жизнь в городе продолжается, хотя всё равно страшно. Ты не знаешь, когда и куда прилетит, добежишь ли до укрытия, спасет ли тебя твой дом, доедешь ли с работы или на работу».

А вот белгородке Ане есть, с чем сравнивать. Начало войны она встретила в Харькове. Убеждает — в Белгороде ей сейчас страшнее, чем тогда в Харькове. «На самом деле, прямой угрозы прям моей жизни в Харькове особо не было, потому что в основном тогда (Анна говорит именно про первые дни войны. — **Прим. ред.**) как-то попадало скорее по военной инфраструктуре. Это всё было как-то далеко от меня», — рассказывает она.

Теперь бьют и по жилым домам. И в России, и в Украине.

Фото: Демидов / Telegram

Сначала девушке казалось, что причиной таких сильных обстрелов были выборы, которые «нужно просто переждать». Но после выборов обстрелы не стихли, а только усилились: «Я и так из дома не выхожу, в магазин не выхожу, сижу только на доставках, и то каждый раз сердце кровью обливается, потому что мне жаль курьера. Мне даже окна страшно открывать, потому что я не знаю, в какой момент у нас начнется обстрел. А окна я заклеила».

Девушка уже даже знает, какие доставки ездят под обстрелами, а какие — нет. Например, «Самокат» во время ракетной опасности не работает, а вот «Деливери» можно заказать и во время обстрела.

Из хороших новостей: теперь сирена начала работать нормально и запускаться не после конца обстрела.

«Во время обстрела я просто спокойно от окна отхожу, выхожу в

коридор, постою, помолюсь немного: хоть бы не в наш дом в этот раз прилетело, и не у нас вылетели окна. Всё», — говорит Аня.

Только вечером она разрешает себе поплакать. Прямо из ее окна видны последствия прошлых обстрелов. Падало близко к дому.

Другое ощущение у белгородки Дарьи. Ей кажется, что ситуация начинает улучшаться: на улице появляется больше людей, но, может быть, это из-за открытия кафе, которые были прикрыты из-за обстрелов. При этом глобально за последние дни ничего не меняется: всё так же на улицах стоят бетонные будки-укрытия, иногда звучит сирена, на домофоны устанавливают систему автоматического открывания двери при тревоге.

Эти системы совсем не массовые, рассказывает Даша. Чаще всего их ставят в домах возле школ и детских садов — чтобы дети успевали забежать в случае чего.

Люди пишут записки с просьбами не закрывать двери и вешают их на подъезды. А большинство подвалов, которые власти рекомендуют использовать как бомбоубежища, до сих пор закрыты. В начале войны России с Украиной в Белгороде были введены антитеррористические меры, вследствие чего оказались закрыты все чердаки и подвалы. У жителей есть ключи. Но у прохожих, которых обстрел застал на улице, никаких ключей нет.

«Белгородцы просто становятся очень злыми, потому что не видят какой-то реакции от федеральных властей, не видят реакции от других россиян, — говорит Дарья. — Ну вот наши

жители оставляют комментарии под постами в каких-то федеральных СМИ о том, что вот, помогите Белгороду, помогите городу. И другие россияне этим людям в комментариях отвечают, что они ЦИПСО, или вообще не понимают, что происходит в Белгороде. Мне кажется, людей это очень обижает. Хотя такое вполне ожидаемо.

Среди моих знакомых, которые за Путина голосовали, стали появляться настроения в стиле «Путин нас бросил, власти нас бросили, и всем всё равно»».

Фото: Демидов / Telegram

«Пока до Москвы не дострелит, всем и будет по*уй»

«Стрелять просто по мирным — это военное преступление, — рассуждает Артём. — И неважно, какой страны. А еще вдвойне берет злость, что это поощряется Западом и так называемыми РДК, которые под прикрытием лозунгов за свободу убивают своих же сограждан: женщин, детей, стариков, подростков».

«По отношению к Украине мое мнение неоднозначное. Я не сторонник войны. И я против того, чтобы любые войска били целенаправленно по мирным жителям запрещенными конвенцией кассетными боеприпасами. Это настоящие террористы», — считает Артём.

Кассетные снаряды действительно были **запрещены** Конвенцией ООН по кассетным боеприпасам еще в 2008 году, но ни Россия, ни Украина конвенцию не подписали.

«Что мы можем сделать, вот скажите, что?» — эмоционально вопрошает белгородка Анастасия. Говорит, белгородцы чувствуют себя принесенными в жертву, хотя многие с самого начала войны были против вторжения в Украину. Кто-то из жителей еще помнит, как ездил на выходные в Харьков, на рынок Барабашова. Прямые электрички ходили... «А теперь война, и для всех почему-то виноват в ней Белгород. Город, который точно войны не хотел».

«Украинцы считают нас врагами из-за идиотов, радующихся вылетам (запускам ракет). Мнение у горожан-то другое было, по правде. Но сесть никто не хочет. А так у нас столько пикетчиков было, столько акций. Ни у кого так не было — а главные путинисты для украинцев теперь мы. А для России мы “хохлы” и беженцы, которые теперь рабочие места отнимут. А на наши смерти всем по*уй. Мариуполь бомбили — всем по*уй было, Харьков, Шебекино... Пока до Москвы не дострелит, всем и будет по*уй», — говорит белгородка. Ее голос начинает дрожать: кажется, она вот-вот заплачет. На вопрос о дронах, уже долетавших до Москвы, Анастасия лишь усмехается: «Разве это прилеты? Да там не было настоящих прилетов. Хотя не дай бог там такое, как у нас».

«Уезжать из города надо строго после обстрела»

«Если государство предложит за недвижимость достойную цену или сертификат на приобретение жилья в любом регионе, включая Москву, то да, можно уехать, хоть и не хочется. Но просто в определенный момент боишься всё потерять...» — говорит Артём.

Сейчас никаких программ эвакуации большая страна белгородцам не предлагает. Максимум, что сделали власти, — отправили 9 тысяч детей в другие регионы.

После выборов и очередного усиления обстрелов белгородка Анна поняла, что рано или поздно ей всё равно придется уехать: «Это просто отложенный момент, как какая-то колба, которая скоро от давления лопнет. Большинство тех, кто сейчас остались, в скором времени уедут, потому что нервы не выдержат».

И даже если смотреть на экономику: никаких мер поддержки ни простым гражданам, ни пострадавшему бизнесу государство, опять же, не предлагает. Частники должны сами выбрать: торгуешь под обстрелами или живешь дальше без денег.

«Из города выехать реально, но все белгородцы прекрасно знают, что нужно делать это сразу после обстрела. То есть: только обстреляли, немножко там времени прошло — и надо выезжать. Вещи нужно собрать заранее. А просто вот в рандомное время дня уезжать очень опасно, потому что ты не знаешь, когда начнется обстрел.

Если во время выборов нас обстреливали по расписанию, то сейчас нас обстреливают просто в любое время дня или ночи. Уже и ночью нас обстреливают, уже и вечером.

Поэтому лучше всего сразу после обстрела быстренько», — объясняет систему Анна.

Пока что есть билеты, например, на поезда в Москву. Но вокзал находится в центре города, куда ехать страшно. Район уже несколько раз попадал под обстрел, да и по дороге может накрыть РСЗО.

«Ну вот я уеду, и что? — спрашивает саму себя Анастасия. — Просто куда я поеду с двумя кошками и собакой? В спортзале будем жить, как шебекинцы? В общагах? (даже подобных условий белгородцам не предлагают. — **Прим. ред.**). Тут у меня дом свой, пока совсем уж близко не прилетало. Да и работа. Нам же ничего не положено, и даже перед выборами ничего не предложили. Дохните, как хотите. Мы держимся не благодаря, а вопреки».

Пока мы говорим, опять начинают выть сирены, Анастасия идет прятаться в коридор. Слышны взрывы и сигналки машин. Девушка сбрасывает звонок, скомкано попрощавшись. Стреляет РСЗО.

«Для армии РФ, учитывая дальноточность “Смерча” и мощные кассетные боевые части, обстрелы гражданского населения являются обычными военными преступлениями с целью террора мирного населения», — [писало](#) украинское издание УНИАН в начале войны.

15 марта 2024 года, как [заявлял](#) губернатор Белгородской области Вячеслав Гладков, Белгород обстреливали именно из РСЗО «Смерч».

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[«Я была на улице в ракетную опасность — всем вообще плевать»](#)

Как Белгород пугается, возмущается — и привыкает к массированным обстрелам

20:15, 16 марта 2024, Виктория